

В ДЕРЕВНЮ!

То ль зов какой поманит древний,
То ль гарь и копоть сдавят грудь –
И я твержу себе: в деревню!
К чертям собачьим... отдохнуть!

И мнится мне: гудящий улей
У груш, стареющих рядком,
Трезор, ко мне летящий пулей,
С шершавым, влажным языком.

И самовар, в котором солнце
Рисует млечные круги.
А из соседского оконца
Призывно пахнут пироги!

А вечерком, когда светило
Уткнётся в заросли раakit,
На бережок я выйду с милой,
В глазах которой знаменит.

Пройдём туда-сюда-обратно
Под взгляды местных рыбаков.
И горизонт зевнёт закатно,
Касаясь рыжих облаков...

Прости меня, любимый город –
Великодушно, по-мужски, –
Но я деревнею поборот,
Как лаской девичьей руки!

ДЯДЯ САША

– Вот знаешь, скажет мне она
Прибить тарелки к потолку –
И я прибью! Иначе, на...
На кой проблемы мужику?
А так, хотела – получи,
И разговору больше нет.
А сколь в башке её мочи,
Так это, брат, большой секрет.
Перечь ведь бабе, не перечь,
А лучше сделать по её.
Бывало раньше – выну меч,
Она берётся за копьё...
Теперь – другое: тишь да гладь.
Хоть и в тарелках потолок.
Она лишь думает сказать,
А я уже за молоток!

ЛЕСНИК

– Утро вечера мудренее,
Так что, паря, давай-ка спать! –
И, похлопав меня по шее,
Митрич смерил собой кровать.

А минут через пять, не боле,
Храп наполнил просторный дом.
Эх, была б лесникова воля,
Спали б люди медвежьим сном;

Пили б люди отвар малины,
Ели б ягоды да грибы
И не жалились без причины
На бессовестный нрав судьбы;

А наутро, схватив ружьишко,
Сунув в лыжи носки сапог,
Вёрст пятнадцать, а то и с лишком,
Накрутили б, не чуя ног!

...Ну и ладно, а мне не спится!
Ночь сегодня как будто день –
Снег под месяцем серебрится,
Облепив косолапый пень.

Так и метит двурогий вытечь
Липким светом под сень ветвей...
Прав, однако, храпящий Митрич –
Утро вечера мудреней!

На плечах её платок кумачовый,
Износившийся едва ль не до дыр.
Был мужик у ней один, непутёвый,
Красной конницы большой командир.
И была у них любовь на три ночи,
На четвёртую мужик – за порог.
Не увидел, жаль, отец своей дочки,
Где-то там, за Перекопом, полёт.

Пролетела жизнь её колесницей
По ухабам среднерусских равнин.
Не считалась ни вдовой, ни девицей –
Не простился командирский почин.
Возвращались с разных войн воеваны,
Баб нетронутых бери – не хочу...

Залечили мужики свои раны,
Прислонившись к чужому плечу.

В одиночку бабий век скуковала
Под незлобный, но дурной шепоток,
Что, мол, молодость свою променяла
На девичий кумачовый платок...

Пахнет сосновой стружкой,
Ржавчиной и смолой,
Выскобленной кормушкой,
Высушенной ботвой.

Пахнет борщом и мясом,
Тестом для пирогов,
Пахнет отцовским квасом,
Пряностями стогов.

Крашеной пахнет рамой –
Так, что под носом зуд;
Пахнет отцом и мамой,
Родиной пахнет тут!

Завтра уеду в город,
И растворится в нём
Запах, который дорог,
Запах с названием «Дом».

МАМЕ

И поклона земного мало,
И таких не сказать речей,
Чтоб с тобой расплатиться, мама,
За тревоги твоих ночей;

За любви материнской слёзы,
Боль утрат и печаль разлук
И за то, что стихали грозы
От тепла твоих нежных рук;

За добра родовые зёрна,
Что ещё прорастают в нас,
И за то, что всю жизнь покорно
Принимаешь Господний глас.

И поклона земного мало,
И любые блага – гроши,
Чтоб хоть как-то воздать мне, мама,
За величье твоей души!

ДОРОГА

Мы смотрим с тобой на степи,
На голую плоть земли.
Колышется точкой стрепет
В колышущейся дали.
Колышется пол вагона
И выдувший чай сосед.
Буфетчица, как Мадонна,
Плывёт за тележкой вслед.
В Черниговке будут раки,
Вареники – в Пологах,
За Юрьевкой вспыхнут маки
На тонких своих ногах.
И было бы всё так просто –
Буфетчица, раки, зной...
Так нет же, нам мало роста
В обыденности такой!
Мы будем с тобой копать
В природе простых вещей,
А я бы не прочь остаться
Профессором кислых щей.

БЕЛЫЙ ТАНЕЦ

Вальс объявили белым танцем.
Я тыщу лет не танцевал.
А ты, украшена румянцем,
Поставив наскоро бокал,
Присела в кротком реверансе
Передо мной, передо мной
И закружила в белом танце,
О, боже мой, о, боже мой!

Мелькали лица, лица, лица,
Богатых тканей пересвет...
За пять минут успел влюбиться
На много лет, на много лет.
С тех пор я каждое мгновенье
С восторгом в памяти храню.
И с тех же пор (о, наважденье!),
Я белых танцев не люблю.

Ты скажи только слово –
Я вернусь с полпути,
Я приду к тебе снова.
Не смогу не прийти.
Посажу на колени
И уткнусь – не стыди –
В белотканых оленей
У тебя на груди.
Твои бледные руки
С паутинками вен
Я сожму в тихой муке
Покаянью взамен.
Закушу, как бывало,
Прядь шумливых волос,
Замечтаюсь устало
Средь распущенных кос.
Ничего мне не надо
От грядущего дня,
Только знать бы, что рада
Снова видеть меня.

ВОДИТЕЛЬ ТРОЛЛЕЙБУСА

Сдувая с глаз косую чёлку,
В минуту раз по десяти,
С наугой крутит руль девчонка,
Хоть и не жидкая в кости.

Лицо её блестит от пота,
Во взгляде – мука и протест.
Вдруг в микрофон, вполоборота:
– Не забываем за проезд!
Мужчина в бежевом костюме...
Да, вы... И девушки втроём...
И, потонув в дорожном шуме,
Пошла машина на подъём.

Да ты ж моя! Характер, сила!
Таких побольше нам невест,
Чтобы в стране навеки было
Кому оплачивать проезд!

